

чаемую прямую линию, начинают свои за-
ывания. При этом птицы не видно ночью
до тех пор, пока не сойдет туман.

Итак, мы нашли место, где гагарь можно
считать тысячами. Но не легко добыть эту
осторожную и ловкую птицу: едва блеснет
ружейный огонек, как все гагары уже
под водой, и неизвестно, в каком месте
они снова появятся на поверхности воды.

Я несколько дней споразъ нтерпретиремъ
добыть себѣ пару взрослых гагаръ. И
вот, наконецъ, одному изъ моихъ спутни-
ковъ удалось пустить на удачу сквозь ту-
манъ громадный зарядъ картечи, который
попалъ въ рядъ воющихъ и стонущихъ птицъ
и поранилъ 7 штукъ ихъ, собачонка же
доставила намъ ихъ на берегъ. То были
два взрослыхъ самца и 5 молодыхъ птицъ.
Въ другой разъ охотникъ мой засѣлъ въ
кусты и пустил въ воду собаку. Гага-
ры кинулись къ ней, подплыли на вы-
стрѣлъ, и мы убили еще трехъ птицъ.
Затѣмъ, намъ пришлось добыть еще взрос-
лую самку, запутавшуюся и задохнувшуюся
въ мѣрежѣ. Эта самка была ростомъ
немного меньше стараго самца и отлича-
лась отъ него болѣе однообразною, сѣро-
ватою окраскою.

Послѣ этого гагарь у меня было вполнѣ
достаточно, и уже не было больше цѣли
тратить особые старанія на ихъ добычу.
Однакожъ, еще для болѣе полноты кол-
лекціи, я купилъ въ Архангельскѣ нѣсколь-
ко скорлупныхъ издѣлій изъ гагариныхъ шку-
рокъ — правильнѣе изъ шкурокъ гагариныхъ
шеекъ, въ видѣ дамскихъ шляпокъ, ворот-
ничковъ, мантілій, ковриковъ, пульсогрѣлокъ
и т. п., которыя отсылаются въ Англію,
частью и въ другія западно-европейскія
государства, гдѣ сбываются по довольно
высокой цѣнѣ, а парѣдка привозятся оттуда
и въ Россію. Охотой на гагаръ, ради ихъ
шеекъ, въ извѣстной мѣстности, зани-
маются преимущественно самоубы — осенью
передъ отлетомъ гагаръ къ югу, то-есть при
наступленіи большихъ холодовъ. Въ это
время гагары собираются въ не слишкомъ
многочисленные общества и летятъ, вы-
строившись въ не совсѣмъ правильные ряды
и избѣгая сообщество другіхъ водныхъ
птицъ, до предѣловъ сѣверной Германіи. На
весну, гагары несутся назадъ къ полюсамъ
съ тѣмъ же характернымъ свистомъ въ воз-
духѣ, къ которому достаточно прислуша-
лось мое ухо на обратномъ пути съ бере-
говъ Бѣлаго моря.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Года полтора тому назадъ я согрѣшилъ
бездарностическимъ очеркомъ: «На вечерѣ
у курсистки» (*Ист. Вѣстн.*, 1895 г., № 1),
жестокъ дѣйствія котораго между прочимъ
является помѣщеніемъ усадьбы — домъ съ ме-
зонинномъ. Съ балкона открывается широкій
видъ на Оку. Этотъ домъ былъ родною ге-
роини очерка, — курсистки. На вопросъ, вер-
нется ли она туда, она отвѣчаетъ: «Я тамъ
росла, и, вѣрнѣе ли, еще и до сихъ поръ
мнѣ стоитъ только закрыть глаза, какъ я
вижу все, словно на яву... Но все это про-
шло, всего этого не воротить... Осиновка
перестала для насъ существовать. Купилъ
ее какой-то кулакъ. Въ домѣ живетъ лысый,
толстопузый приказчикъ. На томъ балконѣ,
гдѣ я любовалась природою или съ тоскою
глядѣла възлѣ, онъ подожитыласть на паль-
цахъ барышн, которые выручить отъ кадусти,
посаженой тамъ, гдѣ росли дубы и липы,
сообразаетъ, какъ бы надуть хозяйина... Лѣсъ
крутымъ вырубленъ; Осиновка представляетъ

картину полнаго запустѣнія: ея собственно
уже нѣтъ...»

Да, курсистка въ Осиновку уже не вер-
нется. Она увлечается наукою. Осиновку
прогнали еще ея отцы: деревня была для
нихъ только доходною статью, да развѣ
еще прибѣжищемъ, куда они скрѣли сердце
удалились, когда терпѣли крушеніе въ жизни.

Въ разобранномъ нами недавно очеркѣ
г. Короленько: «Въ облачный день» очень сим-
патичная молодая дѣвушка рвется въ дерев-
ню, въ ту усадьбу, гдѣ выросла горнично лю-
бимая ея мать, — въ усадьбу, идеализирован-
ную разсказами ея матери, въ которыхъ было
такъ много любви, такая жалость къ обездо-
ленному народу. Но по мѣрѣ того, какъ мо-
лодая дѣвушка приближалась къ этой усадь-
бѣ, знакомилась съ деревенскою жизнью,
вѣра ея въ то, что она можетъ быть полезна
народу, что она можетъ оживить жизнь усадь-
бы, все ослабѣвала. Идиллія замѣнялась про-
зою. Молодая дѣвушка чувствовала, что не

хватить у нас силъ, не хватить умѣнья совершить то дѣло, изъ которому рвалась ея душа. И когда она прѣехала на станцію, пѣбо проявляло полное безсиліе освѣжить томившуюся землю; порой только вспыхивала зарница и освѣщала невдалекѣ запущенный садъ съ возвышавшимся надъ нимъ мезонинъ стараго дома, его провалившуюся крышу, изломанную рѣшетку балкона и открытую, можетъ-быть давно сорванную съ петель дверь — печальные остатки бывшаго помѣщичьяго хозяйства.

Вотъ двѣ усадьбы, два дома съ мезонинами. Познакомимся теперь съ третьимъ, т. е. съ рассказомъ г. Ан. Чехова, уже прямо озаглавленнымъ: «Домъ съ мезонинъ» (*Русс. Мысль*, № 4). Эта усадьба, въ противоположность двумъ первымъ, сохранилась въ помѣщичьихъ рукахъ и не только не пришла въ состояніе запустѣнія, но содержится исправно, — только садъ запущенъ, — и жизнь въ ней бьетъ ключомъ. Не будемъ останавливаться на вопросѣ, — что изъ насъ правы: мы ли съ г. Короленко, изображая жизнь усадьбы въ болѣе или менѣе мрачномъ свѣтѣ, или г. Чеховъ, допускающій возможность ея процвѣтанія. Вѣроятно мы все трое правы: всякія усадьбы бывають на Руси; но думается мнѣ, такихъ, которыя пришли въ полный упадокъ, гдѣ хозяйничаетъ толстопузый приказчикъ и куда даже дачники неохотно ѣздятъ въ виду полного разстройства хозяйства, все-таки въ обществѣ не мало. Послѣ отнятія крѣпостного права многие помѣщики не удержали отцовскаго наслѣдія въ своихъ рукахъ, другіе хозяйничаютъ неуспѣшно, третьи, хотя и не продали своихъ усадебъ, но бѣжали изъ деревни.

Какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ интересенъ только фактъ, что беллетристы все чаще останавливаются на вопросѣ, какъ оживить жизнь усадьбы, почему она приходитъ въ полное разстройство и неужели нѣтъ никакихъ средствъ приостановить этотъ процессъ разложенія? Въдѣ усадьба могла бы служить ячейкою лучшей жизни и при сложившихся новыхъ условіяхъ; она могла бы распространять свѣтъ въ деревнѣ, вліять на первоисточники всей русской жизни, потому что Россія въдѣ почти исключительно состоитъ изъ селъ и деревень, и, какіе успѣхи ни сдѣлала бы культура въ городахъ, если деревня будетъ бѣдствовать, — будетъ бѣдствовать почти вся Россія.

Вполнѣ естественно, слѣдовательно, что жизнь усадьбы, которая могла бы служить свѣточемъ въ деревенскомъ мракѣ, усиленно занимается беллетристами. Болѣе случайнымъ является тотъ фактъ, что въ трехъ перо-

численныхъ нами беллетристическихъ очеркахъ героини выступаютъ молодыя дѣвушки, потому что и г. Чеховъ старается выяснить именно отношеніе молодой дѣвушки къ жизни въ усадьбѣ. Въ первомъ очеркѣ героиню отвлекаетъ отъ жизни въ усадьбѣ, во-первыхъ, то непоправимое обстоятельство, что усадьба давно продана, а во-вторыхъ и убѣжденіе, что сама героиня для работы въ деревнѣ совершенно неподготовлена, что она, благодаря своему воспитанію и образованію, развила въ себѣ вкусы и потребности, которые въ деревнѣ удовлетворенія получить не могутъ, что деревня нуждается въ совершенно другихъ дѣятеляхъ, чѣмъ люди, всецѣло поглощенные крайне отвлеченными вопросами науки, искусства и благотѣлствованія не одного русскаго народа, а всего челоѣчества. Во второмъ очеркѣ мы имѣемъ дѣло съ молодой дѣвушкой, которая получила обыкновенное воспитаніе, какое получается въ нашихъ институтахъ: она ни съ наукою, ни съ жизнью не знакома; воодушевлена она только благими пожеланіями, и жизнь на первыхъ же шагахъ вливаетъ въ ея душу ядъ сомнѣнія, разрушаетъ ея иллюзіи, обезсмысливаетъ ея руки.

Героиня г. Чехова, которой «домъ съ мезонинъ» исключительно обязанъ своимъ процвѣтаніемъ, является передъ читателемъ характеромъ вполнѣ сформировавшимся. Мы не знаемъ, гдѣ она воспитывалась, какими вліяніями подвергалась. Мы видимъ только, что мать ея, — женщина совершенно заурядная, болѣзненная, слабый полкъ, что младшій ея сестра не имѣетъ съ нею ничего общаго и больше мечтаетъ о любви и поэзіи, чѣмъ о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ можно вдохнуть новую, лучшую жизнь въ деревню. Но не будемъ спрашивать у автора, гдѣ сформировался такой сильный, мужественный характеръ, какими обладаетъ его героиня Лидя. Это — это дѣло. Возьмемъ ее такую, какою она намъ ее даетъ. И вотъ тутъ-то получается нѣкоторая странность. Лидя, дѣлающая настоящее дѣло въ деревнѣ, въ сущности дѣвушка очень неспипатичная. О, она несомнѣнно чудо совершенства. У нея нѣтъ слабостей, она твердо и неуловимо идетъ къ своей цѣли, а цѣль эта очень благородная: все ея помыслы направлены на то, какъ бы просвѣтить крестьянъ, создать для нихъ болѣе благоприятныя санитарныя условія, увеличить ихъ матеріальный достатокъ, какъ бы искоренить въ земствѣ вліянія, невыгодныя для успѣховъ въ крестьянской жизни. Все это такъ, и тѣмъ не менѣе душа читателя не лежитъ къ этой образцовой дѣвушкѣ, къ этому сильному характеру, дѣйствующему твердо и сознательно на пользу

народнаго дѣла; скорѣе симпатіи читателя—на сторонѣ слабой, но поэтической Жени, младшей сестры сильной Лиды.

Таковъ по крайней мѣрѣ замыселъ автора. Онъ не ищетъ красокъ, чтобы выставить Лиду въ несимпатичномъ, даже слегка комическомъ свѣтѣ и окружить обаяніемъ ея сестру. Правда, рассказъ ведется отъ лица художника; художники же часто вѣрятъ въ реальность того, что изображаютъ на полотнѣ, больше, чѣмъ въ реальность самой жизни. Они склонны придавать особенное значеніе образамъ, иногда весьма фантастичнымъ и игнорировать прозу жизни съ ея требованіями. Художники — поэты, и люди, трезво и спокойно дѣйствующие въ жизни и прозаическими, но вѣрными средствами удовлетворяющіе ея требованія, могутъ имъ быть несимпатичны. Значитъ, нерасположеніе художника, отъ лица котораго ведется рассказъ, къ энергичной, трезвой, всецѣло поглощенной дѣломъ Лидѣ еще ничего не доказываетъ. Художникъ увлекается идеями гр. Л. Толстого или, по крайней мѣрѣ, разсуждаетъ по его указкѣ. Оказывается, что самоотверженные земскіе дѣятели своимъ внимательствомъ въ народную жизнь приносятъ только вредъ. Причина всѣхъ невзгодъ крестьянской жизни — чрезмѣрный физическій трудъ. Крестьянинъ работаетъ съ утра до поздней ночи, выручаетъ гроши, живетъ впроголодь и не имѣетъ возможности вникать въ смыслъ жизни. А мы, создавая на его средства школы, библиотеки, аптеки, заставляемъ его еще больше работать и отнимаемъ у него всякую возможность вести достойную человѣка жизнь. Но художникъ и на этомъ не останавливается въ своихъ разсужденіяхъ. Если онъ произносить приговоръ надъ всей культурной работой, какъ ее обыкновенно понимаютъ, то онъ также неумолимъ къ идейной работѣ и художественному творчеству. По милости представителей этого рода труда, удобства жизни растутъ-де съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ «до правды еще далеко, и человѣкъ попросту ослѣпаетъ самымъ хищнымъ и похлостнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человечество въ своемъ большинствѣ выродилось и утратило навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго, нечистоплотнаго животного, поддерживая существующій порядокъ. Я не хочу работать и не буду... Ничего не пужно, пусть земля провалится въ тартарары!»

Понятно, что при такомъ міросозернаніи художникъ не можетъ сочувствовать Лидѣ. Но Богъ съ нимъ, съ художникомъ! Для насъ важнѣе симпатіи самого автора, и мы въ его рассказѣ встрѣчаемъ положительныя данныя, по которымъ мы можемъ уяснить себѣ и этотъ вопросъ. Лидѣ можетъ не соглашаться съ художникомъ, но, если она сколько-нибудь благовоспитана, она не должна постоянно обрывать полу-знакомыхъ гостей и третировать его, какъ мальчишку. А между тѣмъ Лидѣ это постоянно дѣлается съ художникомъ. Она не даетъ ему досказывать свою мысль, обращаясь къ матери съ посторонними вопросами. Но этого мало. Поэтическая Жени влюбляется въ художника. Это — любовь взаимная. Мать сочувствуетъ ей. Дѣло доходить до объясненія между Женей и художникомъ. Конечно, оно происходитъ вечеромъ, при лунѣ. На другой день художникъ является въ «домъ съ мезониномъ», чтобы сдѣлать предложеніе. Его поражаетъ пустота: никого не видно, никого не слышно. Только миновавъ нѣсколько комнатъ, онъ слышитъ голосъ Лиды. «Воронѣ гдѣ-то... Богъ», — говорила она громко и протяжно: — послать кусочекъ сыру. Воронѣ... гдѣ-то... Кто тамъ? Художникъ отвѣчаетъ, что это онъ. «А! Простите. Я не могу сейчасъ выйти къ вамъ. Я занимаюсь съ Дашей». Художникъ спрашиваетъ, — дома ли мать? «Нѣтъ, она съ сестрою уѣхала сегодня утромъ къ тетѣ въ Пензенскую губернію. А зимой вѣроятно онѣ поѣдутъ за границу». И опять: «Воронѣ гдѣ-то Богъ послать»...

Художникъ такъ и ушелъ ни съ чѣмъ. Очень милосердна сцена, и въ нее стоитъ вдуматься. Вѣдь родная сестра и избранникъ ея сердца могли серьезно полюбить другъ друга, — и это действительно такъ было, — а Лидѣ, столь горячо принимающей къ сердцу интересы народа, съ политѣйшимъ равнодушіемъ разбиваютъ два сердца и наноситъ ударъ матери, которая сочувствуетъ первой любви своей младшей дочери. И какъ Лидѣ дѣлается это просто, увѣренно, рѣшительно, изображая собой своего рода Бисмарка въ юбкѣ. Прилетѣлъ соколикъ, а голубки и слѣды уже простыли. Виновица же этого несчастья даже не интересуется взглянуть, какъ ся бездушная политика подействовала на сраженнаго ею человѣка, и твердитъ свое: «Воронѣ гдѣ-то Богъ послать»...

Такимъ образомъ Лидѣ производитъ уже впечатлѣніе мнѣлка, фанатика. Она можетъ быть разрушаетъ счастье и матери, и сестры, и художника, но основной цѣли своей жизни она волюй добивается. Нѣсколько дѣтъ

спустя она попрежнему учить крестьянскихъ дѣтей, и мало-по-малу ей удастся собрать около себя «кружокъ, который составилъ изъ себя сильную партію и на земскихъ выборахъ прокатилъ ненавистнаго Лидѣ Балагина, державшаго до того времени весь уѣздъ въ своихъ рукахъ». Такимъ образомъ Лидя одерживаетъ блестящую побѣду.

Мы не можемъ допустить, чтобы авторъ серьезно сочувствовалъ изложенному нами міросозерцанію художника, т. е. полному бездѣйствію до тѣхъ поръ, пока мы не уразумѣемъ истиннаго «смысла жизни». Посылать все человечество въ тартарары, потому что на свѣтѣ есть много недостойныхъ людей, можно только въ минуту раздраженія. Толковать о томъ, что человечество шло до сихъ поръ невѣрнымъ путемъ, что вся его вѣковая культурная работа ничего не стоитъ, могутъ только люди съ большимъ самолюбіемъ. Коллективный умъ человечества всегда оказывался сильнѣе отдѣльнаго ума. Философія, даже въ лицѣ самыхъ видныхъ своихъ представителей, только плелась, прихрамывая, за жизнью, и самая гениальная произведенія философовъ не шли дальше систематизаціи и приведенія въ ясность того, что подсказывала имъ жизнь. Жизнь намъ говорить, что народъ нуждается прежде всего въ просвѣщеніи, которое вѣрнѣе всего обезпечить и материальный его достатокъ: нуждается онъ въ школахъ, въ библиотекахъ, и во всемъ, что содѣйствуетъ его правильному умственному и физическому развитію, слѣдовательно и въ санитарныхъ условіяхъ. Этой истины не ошоркинетъ ни одинъ философъ, и конечно и такой просвѣщенный писатель, какъ г. Чеховъ, не станетъ ее умышленно колебать.

Что же означаетъ его разсказъ? Единственный выводъ, слѣдовательно, можетъ быть тотъ, что Лидя хватилась черезъ край, другими словами, что, вдохновившись народнымъ дѣломъ, она, какъ фанатикъ, приносила ему все въ жертву, даже собственное счастье, даже счастье близкихъ людей, если они не раздѣляютъ ея холоднаго, пастойчиваго и непреклоннаго увлеченія. Художникъ ей не понравился, потому что онъ земскому народному дѣлу не сочувствуетъ, — и этого было достаточно, чтобы она пожертвовала счастьемъ своей сестры, пустой дѣвочки, на ея взглядъ, которая также земскаго дѣла не понимаетъ, а слѣдовательно не можетъ питать никакихъ серьезныхъ чувствъ.

Такимъ образомъ мы наталкиваемся на слѣдующій вопросъ. Новое поколѣніе, призванное дѣйствовать въ деревнѣ или, точ-

нѣе, въ помѣщичьей усадьбѣ, по большей части не обладаетъ необходимыми для этого силами и подготовкою. Этотъ выводъ получается изъ очерка г. Короленко и изъ моего очерка. Г. же Чеховъ находитъ, что бываютъ случаи, когда новое поколѣніе съ успѣхомъ исполняетъ свою задачу, но въ то же время отмѣчаетъ, что люди, способные на успѣшную дѣятельность въ усадьбѣ, принадлежатъ къ типу людей несимпатичныхъ, исключительныхъ, до нѣкоторой степени фанатичныхъ, черствыхъ, бездушныхъ. Такимъ образомъ получается дальнѣйшій выводъ, что хорошие люди для работы въ деревнѣ непригодны, и что съ успѣхомъ могутъ дѣйствовать въ ней лишь люди, не возбуждающіе къ себѣ симпатіи.

Мы не беремся судить, насколько г. Чеховъ нарисовалъ намъ вполнѣ сознательно картину усадебной жизни въ этомъ писанномъ смыслѣ. Но при такой постановкѣ вопроса мы по крайней мѣрѣ наталкиваемся на взглядъ, очень распространенный въ нашей беллетристикѣ и въ нашемъ обществѣ. Деревня не представляетъ собою поприща, гдѣ могутъ развиваться широкіе замыслы, широкое міровоззрѣніе. Чѣмъ-то мѣшанскимъ вѣетъ отъ дѣятельности въ деревнѣ. Мелкая борьба, мелкие интересы, — вотъ отличительный ея признакъ. Допустимъ даже, что эта мелкая борьба ведется ради симпатичныхъ цѣлей. Но когда еще выяснятся результаты этой борьбы, когда еще сложатся всѣ эти отрывочныя, мелкие, будничныя усилія въ одно цѣлое, дадутъ крупныя результаты, сильно двинутъ культурныя успѣхи отечества! А пока приходится довольствоваться сравнительными пустяками, посвящать себя обученію грамотѣ крестьянскихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, которые еще неизвѣстно какъ воспользуются оказаннымъ имъ благодѣаніемъ, вести неблагодарную борьбу съ безконечными предрассудками, поминутно наталкиваясь на недоброжелательство, даже на прямую вражду, разстраивать мелкія интриги, вызываемыя невежествомъ или своекорыстіемъ, отказываться отъ всѣхъ наслажденій, доставляемыхъ жизнью въ культурномъ центрѣ. Кто на такую дѣятельность способенъ? Конечно, не заурядные люди, а только фанатики своей идеи, личности въ родѣ изображенной намъ г. Чеховымъ — Лидя.

Вотъ съ этой точки зрѣнія разсказъ г. Чехова становится вполнѣ понятнымъ и приобретаетъ довольно глубокий общественный смыслъ. Мы снова тутъ наталкиваемся на вопросъ, уже неоднократно затронутый въ нашихъ очеркахъ. Намъ постоянно повторять, что хорошему человѣку ужиться въ

деревня пельзя, что его заклюют, зайдут, что он, как ошпаренный, выскочит из этого осинаго гнѣзда невѣжества, связанныхъ съ нимъ предрасудковъ, своекорыстїи, мелкихъ, но постоянно повторяющихся укуловъ. Это очень распространенное убѣжденіе. Надо быть закаленнымъ, совершенно нечувствительнымъ къ тому, что раздражаетъ, озлобляетъ и обесилнваетъ хорошаго человѣка, чтобы выдержать эту своеобразную борьбу Гулливера съ лилипутами. Тутъ самыя благородныя стремленія не могутъ помочь человѣку: етъ постепенно стѣсняется, левъ рычитъ и падаетъ въ полную безсиліи.

Правда, чтопись нашей общественной жизни указываетъ на факты противоположнаго свойства, подтверждаетъ, что люди несомнѣнно хорошие, далеко не узкіе и не фанатичные, съ успѣхомъ выдерживаютъ эту борьбу. Этому рода примѣры встрѣчаются все чаще и чаще. Мы видимъ и помѣщиковъ, и священниковъ, и врачей (мужчинъ и женщинъ), и народныхъ учителей, которые безъ всякаго фанатизма, одушевленные только высокимъ значеніемъ своего общественнаго долга, трудятся съ большою, иногда даже изумительною пользою въ деревнѣ. Всѣмъ изъ насъ знаютъ примѣры этого рода, и тѣмъ не менѣе легенда о невозможности плодотворной работы у основъ народной жизни держится съ большимъ упорствомъ. И чтобы оправдать эту легенду, намъ то и дѣло толкуютъ объ условіяхъ, превышающихъ силы отдельнаго человѣка, или о необходимости заручиться какими-то совершенно особенными, исключительными нравственными качествами. Лида—не симпатична, но слѣдуетъ ли отсюда, что пѣвыиыя натуры, хотя и не такъ исключительныя, какъ героини разсказа г. Чехова, не могутъ пользоваться сочувствіемъ? А между тѣмъ не повторяютъ ли намъ на всѣ лады, что хорошему человѣку нѣтъ житья? Это настроеніе становится иногда до такой степени сильнымъ, что намъ говорятъ, будто бы хорошему человѣку остается только уйти изъ жизни въ область грѣзъ и что счастливы могутъ быть только тѣ, кто живетъ въ этомъ прекрасномъ мірѣ. Реальная же жизнь представляется собою сплошной обманъ, ложь, несправедливость, насилие, торжество порока, угнетеніе невинности. Кто въ состояніи все это переносить? Только люди вполнѣ уравновѣшенные, сильные, здоровые, съ порывами, вмѣсто нервовъ, такіе субъекты, какъ Лида, а люди воспримчивые, впечатлительные, тѣ такъ жестоко страдаютъ отъ соприкосновенія съ безотрадною жизнью, что у нихъ

нѣтъ другого спасенія,—какъ отбиваться, кричать или совершенно уйти изъ жизни въ міръ грѣзъ. Подчинились этому настроенію, люди дѣлаютъ дальнѣйшій выводъ и утверждаютъ, какъ художникъ въ разсказѣ г. Чехова, что, если бы на свѣтѣ существовали только такіе самодовольные субъекты съ веревками вмѣсто нервовъ, то не было бы никакого прогресса. Но, къ счастью, на свѣтѣ есть много людей съ развитенною нервною системою, —чрезмѣрною впечатлительностью, и вотъ эти-то люди двигаютъ человечество. Они отбиваются отъ мерзости и пошлости жизни, кричатъ, шумятъ, коммунію указываютъ на нищету, несправедливость, насилие: они-то и заставляютъ насъ задумываться надъ смысломъ жизни, но даютъ намъ успокоиться, побуждаютъ насъ искать новыхъ путей, приходятъ на помощь слабымъ, осуждаютъ слезы тѣрпимыхъ и угнетаемыхъ жизнью. Дѣло дошло до того, что нѣкоторые изъ нашихъ беллетристовъ даже прямо стали возбуждать въ своихъ произведеніяхъ вопросъ о томъ, кто заслуживаетъ больше симпатій, —человѣкъ ли нормальный, совершающій свое жизненное дѣло трезво, сознательно, спокойно, или болѣзненный субъектъ, вѣчно помучающійся чело-вѣческой несправедливостію и до того страдающій отъ нея, что кончаетъ сумасшествіемъ? Мы имѣли уже случаи указывать на примѣры подобнаго рода: отчасти на разсказъ того же г. Чехова «Налая М б», но главнымъ образомъ на разсказъ г. Горькаго: «Ошибка», гдѣ герои спасаются отъ пошлости и мерзости жизни въ царство правды и справедливости и сооружаютъ тамъ «буду всеобщаго спасенія». Только въ сумасшедшемъ домѣ они находятъ то, чего въ жизни найти не могли,—успокоеніе, счастье.

Это—парадоксъ, но онъ вѣрно отражаетъ настроеніе очень значительной части нашей интеллигенціи, которое сводится къ слѣдующему: жизнь представляетъ собою нѣчто очень безотрадное, своего рода болото, засасывающее все свѣтлое, хорошее; своекорыстные стремленія, невѣжество, мелкие интересы насъ заѣдаютъ; получается на каждомъ шагѣ картина —насилія, несправедливости; громадное большинство людей съ крѣпкими нервами до нѣкоторой степени мирится съ этимъ безотраднымъ положеніемъ, но люди впечатлительные возстаютъ противъ него и этимъ двигаютъ прогрессъ.

Такимъ образомъ получается апологія людей съ болѣзненною впечатлительностью и нѣкоторое осужденіе нормальныхъ натуръ, и возникаетъ вопросъ, —дѣйствительно ли натуры сангвиничныя, мечущіяся изъ

стороны въ сторону, вѣчно неудовлетворенныя, потому что не могутъ рѣшить *теоретически* вопроса о смыслѣ жизни, заслуживаютъ предпочтенія предъ цѣльными натурами, усвоившими себѣ основныя требованія данной эпохи и неуклонно стремящіяся удовлетворять имъ при помощи *практическихъ* средствъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего принять во вниманіе, что впечатлительность бываетъ различная. Предположимъ, что врачъ призванъ къ постели больного, переносающаго нестерпимыя физическія муки. Очевидно, что для устраненія этихъ мукъ врачъ долженъ прежде всего прекрасно владѣть собою. Онъ не можетъ отдаться своему впечатлѣнію, страдать при видѣ ихъ до потери самообладанія, кричать, шумѣть; напротивъ, онъ долженъ совершенно спокойно извѣстить причину страданія больного и затѣмъ устранить ее, если нужно, даже вызвавъ временно худшія страданія, чтобы исцѣлить больного навсегда или доставить ему возможно полное облегченіе. Что же происходитъ въ душѣ врача? Можно ли утверждать, что онъ—всегда человекъ съ необычайно прѣчными нервами, совершенно равнодушный къ страданію ближняго? Нѣтъ, мы знаемъ врачей глубоко гуманныхъ, чрезвычайно воспримчивыхъ къ чужимъ страданіямъ, жертвующихъ собою, своимъ спокойствіемъ, матеріальными выгодами, даже жизнью, чтобы придти на помощь страждущему человечеству. Такихъ врачей, скажете вы, мало. Конечно, самоотверженные люди всегда и вездѣ составляютъ меньшинство, но въ данномъ случаѣ мы хотимъ только установить, что человекъ можетъ быть очень воспримчивъ къ чужимъ страданіямъ и тѣмъ не менѣе сохранять большое спокойствіе, хладнокровіе, умѣнье владѣть собою. Между двумя такими противоположными типами, какъ Лидя и художникъ въ разсказѣ г. Чехова, есть еще средній типъ,—и вотъ этотъ-то средній типъ и представляется намъ нормальнымъ. Какое жалкое впечатлѣніе производитъ смерть Рудина на парижскихъ баррикадахъ и какъ трагична смерть Нисарова! А вѣдь они оба вели борбу за свободу, возмущались страданіями, вызываемыми рабствомъ. Но одинъ шелъ увѣренно, сознательно къ цѣли, а другой слѣпо подчинялся впечатлѣніямъ. Нисаровъ былъ—натура здоровая, несмотря на чахотку, а Рудинъ былъ человекъ развѣченный, несмотря на то, что пользовался удовлетворительнымъ здоровьемъ. Очевидно, у Нисарова голова работала иначе, чѣмъ у Рудина.

При такой постановкѣ вопроса мы легко убѣдимся, что люди, подчиняющіеся перво-

му своему впечатлѣнію безъ надеждай провѣрки, безъ критическаго къ нему отношенія, дѣйствующіе, такъ сказать, рефлексами,—что такіе люди, какъ бы ни была велика ихъ впечатлительность, въ сущности могутъ оказать обществу лишь весьма сомнительную пользу. Своимъ крикомъ или шумомъ они могутъ обратить вниманіе на то или другое социальное несовершенство, но приложить руку къ его устраненію они рѣшительно неспособны именно потому, что послѣдовательная работа мысли, необходимая для рѣшенія болѣе или менѣе сложныхъ вопросовъ, имъ совершенно недоступна. Притомъ же они, какъ это часто бываетъ, могутъ сами увлекаться и увлечь другихъ восторженными явленіями жизни и не видѣть такихъ, которыя по преимуществу заслуживаютъ вниманія. Разразится голодъ,—и субъекты этого рода поднимутъ неистовый шумъ. Но въ обыкновенное время они будутъ относиться безучастно къ тѣмъ условіямъ, которыя придаютъ неурожай опасный характеръ. Все экстраординарное ихъ сильно занимаетъ и возбуждаетъ; все заурядное оставляетъ имъ безъ вниманія. Какая-нибудь нехотатка подстрѣлить своего любовника,—тотчасъ же поднимется необычайный шумъ по поводу этого исключительнаго случая; но наша нравственная драблестъ и распущенность, проявляющаяся въ повседневныхъ мелкихъ фактахъ семейной жизни, проходитъ незамѣченъ. Человѣчество наиболѣе вѣрными и широкими своими успѣхами обязано, конечно, не развѣченнымъ натурамъ, а людямъ вполнѣ нормальнымъ. Величайшіе поэты, мыслители, ученые, изобрѣтатели были люди уравновѣшенные. Если мы перечислимъ такіа имена, какъ Сократъ, Аристотель, Шекспиръ, Ньютонъ, Гете, Дарвинъ, Мистеръ, то, несмотря на краткость этого списка, который можно удлинить по желанію, все-таки окажется, что нѣтъ возможности противопоставить ему другой списокъ болѣе заслуженныхъ предъ человечествомъ людей съ психопатическою организаціею.

Мы тутъ имѣемъ дѣло съ вопросомъ большого общественнаго значенія. Если сравнить наше общество съ западнымъ, то окажется, что, быть-можетъ, нигдѣ въ сущности общественныя стремленія не достигли во внутренней жизни большинства интеллигентныхъ людей такой силы, такого развитія, какъ въ Россіи. Зеркаломъ общественнаго настроенія является литература. Если у насъ выдающіеся писатели, которые относились бы болѣе или менѣе индифферентно къ общественнымъ вопросамъ? Если они есть, то они составляютъ ничтожное меньшинство, а столпы нашей литературы,